

5. На соколиной охотѣ.

(Изъ очерковъ пермской башкиріи).

I.

Грустную картину представляютъ изъ себя въ настоящее время башкирскія селенія въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губерніи. Когда смотришь на эти жалкія лачуги безъ крышъ, съ однимъ потолкомъ, на верху котораго навалена земля и растутъ кусты полыни, а иногда и цѣлыя березки, когда увидишь, что вокругъ этихъ лачугъ, что называется „ни кола ни двора“, особенно къ веснѣ, такъ какъ въ продолженіе зимы изгородь, изъ которой составляются надворныя башкирскія постройки, вся издержана на топливо, — когда посмотришь на эту „мерзость запустѣнія“, то прямо поражаешься и недоумѣваешь — „чѣмъ люди живы?“

А вотъ и люди. Худыя, истощенныя за зиму фигуры башкиръ, въ длинныхъ мѣховыхъ шубахъ и шапкахъ, несмотря ни на какую погоду виднѣются на завалинкахъ своихъ хатъ. Всѣ сидятъ въ пріятномъ бездѣліи, въ какомъ-то созерцаніи, какъ будто глубокаго что то обдумывающаго. Передъ ними грязная или пыльная улица, по которой бѣгаютъ маленькіе башкирята, грязные, оборванные, а то и просто голые. Бабы въ шароварахъ и цвѣтныхъ платкахъ на головѣ, съ ведрами на коромыслахъ идутъ къ колодцамъ за водой. Эти жалкія рабы, иногда единственныя работницы въ семьѣ, по тому наклоняютъ голову, когда имъ приходится проходить мимо своихъ владыкъ. А тѣ все продолжаютъ созерцать. Нарѣдка они лѣниво и важно поднимаются съ мѣста, соберутся въ кучку, опять усядутся и начинаютъ между собой громко переговариваться на своемъ горланномъ нарѣчьи.

Такова обычная картина, которая открывается передъ взорами путника, въѣзжающаго въ башкирское селеніе Шадринскаго уѣзда. Картина эта становится еще болѣе не привлекательной, если приходится взглянуть во внутренность башкирскихъ хатъ. Маленькое, грязное помѣщеніе, въ которомъ большую часть занимаютъ „нары“ съ грудой грязныхъ подушекъ и перинъ на нихъ, каминъ, съ вдѣланнымъ въ него котломъ для парки „маханины“. Небольшое пространство свободнаго пола неимоверно грязно. На окнахъ, въ рамы которыхъ вставлены худыя, зеленые обложки стеколъ, стоятъ обязательныя кувшины съ узкими горлышками. Духота и грязь. Такова обстановка башкирской бѣдоты. Все здѣсь свидѣтельствуетъ объ упадкѣ, о вырожденіи, о полной безпомощности въ pendant людямъ и башкирскій скотъ, особенно къ веснѣ. Худыя облыялыя ло-

шадя, которая въ продолженіе зимы должны питаться подножнымъ кормомъ, претя-
вляють изъ себя какія-то тѣни. У коровъ можно сосчитать каждое ребрышко.

Среди такой безотрадной обстановки влечить жалкое существованіе въ ограничен-
своей массѣ башкирское населеніе узда. А между тѣмъ позади каждаго нищенскаго
селенія раскинулись необозримыя пространства богатѣйшаго въ Россіи чернозема. Баш-
кирская часть этой территоріи почти не эксплуатируется, и только, сравнительно, не-
значительное количество сдается въ аренду русскимъ изъ сосѣднихъ селеній. Что же
касается самостоятельной башкирской обработки земли, то ее можно угадать по небре-
жности вспашки. Тутъ сразу виденъ неземледѣльческій народъ, насильно притянутый
къ земледѣлію.

— „Какіе это земледѣльцы!—съ презрѣніемъ отзываются о своихъ сосѣдяхъ
русскіе,—такъ только, зря землю ковыряють. Этихъ башкирямъ только бы на по-
рахъ валяться, али лошадей воровать, а на дѣло они неспособны. Въдь это скѣзно
у иныхъ изъ нихъ по 40 десятинъ на душу приходится, а онѣ не краями сидятъ,
да съ бабами своими прохлаждаются. Тыфу! А возьми у нихъ въ аренду землю, ты
не радъ будешь: постоянно зачнутъ въ гости къ тебѣ ѣздить, опивать, обѣдать,
потомъ половину хлѣба, еще въ снопахъ у тебя же украдутъ. Непутевый это народъ.
Слѣдовало бы у нихъ землю отобрать, да русскимъ роздать. Что это начальство смор-
дить на нихъ!“

Таковы отзывы русскихъ сосѣдей объ аборигенахъ края. Отзывы слишкомъ од-
носторонніе и подсказанные скорѣе завистью къ земельному богатству, нежели действитель-
ными чувствами.

Но малоспособность башкиръ къ воспріятію нашей земледѣльческой культуры не-
сомнѣнна и слишкомъ очевидна. Давно назрѣвшій и обострившійся „башкирскій во-
просъ“, одинъ изъ безчисленныхъ у насъ національныхъ вопросовъ, съ каждымъ го-
домъ становится все болѣе и болѣе обостреннымъ и настоятельно ждетъ радикальнаго
разрѣшенія. Въ силу чисто религіозныхъ причинъ башкиры не могутъ ассимилироваться
съ русскимъ населеніемъ и въ то же время они не въ состояніи поддержать прежній
образъ жизни, и передъ ними стоитъ роковая дилемма: или окончательно вырождаются и
исчезнутъ, какъ уже исчезли многія народности, слишкомъ самобытныя для ассими-
ляціи, или же произвести самую коренную ломку всего строя жизни и приспособиться
къ новымъ формамъ борьбы за существованіе. Чѣмъ все это разрѣшится?

Таки мысли бродили въ моей головѣ, когда я на парѣ земскихъ лошадей въѣ-
халъ въ башкирскую деревню Барысову, или какъ ее передѣляли русскіе — Борисовъ.

Передъ моими глазами замелькали знакомые „башкирскіе“ виды: мужнины, спи-
яшіе въ пріятномъ бездѣльи у своихъ хатъ, бабы, идущія за водой, оборванные реб-
ятишки съ грязными тибетейками на гладко остриженныхъ головахъ и масса тощихъ
собакъ, встрѣтившихъ наши колокольчики оглушительнымъ лаемъ.

„Што, баринъ, къ Жанаркѣ прикажете подвезти?“ — спросилъ меня ящикъ.

Дженаръ, содержатель обывательской геньбы, мой старичный пріятель, давно уже обшашъ угостить меня соколиной охотой, и я попросилъ подъѣхать къ нему.

Домъ Дженара разительно отличается отъ сосѣднихъ хатъ и своимъ внѣшнимъ видомъ свидѣтельствуетъ о довольно значительной, сравнительно, зажиточности хозяина. У раскрытыхъ воротъ меня встрѣтили взрослые сыновья Дженара, засуетились и подвели лошадей къ крыльцу, на которомъ стоялъ и самъ хозяинъ, весело привѣтствовавшій меня.

— „Ага! Пріѣхалъ! Мулодца!—восклицалъ онъ. — Завтра съ сукулами поѣдемъ! Айда въ избу“.

Домъ Дженара холодными стѣнами раздѣляется на двѣ половины: бѣлую и черную. Первая считается парадной, и въ ней онъ живетъ самъ со своей молодой, болѣе любимой женой. Въ ней же принимаются и почетныхъ гостей и проѣзжающихъ. Во второй половинѣ проживаютъ другія жены, и дѣти и тамъ же готовится пища.

Мы вошли въ довольно просторную избу, половину которой заняли обширныя нары, убранныя мягкими коврами и цѣлой трудой подушекъ. По заоконѣннымъ стѣнамъ развѣшаны изреченія изъ Корана и лубочныя виды Мекки.

Хозяинъ любезно придвинулъ мнѣ подушку и я съ ногами, по мѣстному обычаю, забрался на нары.

Пока Дженаръ хлопочетъ о самоварѣ и на башкирскомъ языкѣ отдаетъ приказанія суетящимся женамъ, скажу о немъ нѣсколько словъ.

Габдулъ Дженаръ Киникжанавъ, или, какъ его обыкновенно всѣ называютъ, просто Дженаръ,—почтенный старецъ, лѣтъ 75. Несмотря на столь преклонные годы, онъ сохранился изумительно. Правда, лицо его изрыто морщинами, и волосы маленькой, рѣдкой бородки совершенно бѣлы, но глаза его блещутъ огнемъ, движенія живы, и онъ еще считается лучшимъ охотникомъ—соколятникомъ среди башкиръ.

Семья его многочисленна. У него въ настоящее время пять живыхъ женъ, чело-
вѣкъ двѣнадцать дѣтей, въ возрастѣ отъ 35 лѣтъ до одной недѣли. Всю эту многочисленную и разнородную семью онъ держитъ въ ежовыхъ рукавицахъ и плетъ, которую я вижу висящей на стѣнѣ, частенько таки разгуливаетъ по спинамъ непокорныхъ. Последняя его жена положительная красавица, въ восточномъ смыслѣ этого слова. Высокая, статная, съ великолѣпными волосами, прекраснымъ цвѣтомъ лица, она обладаетъ парой черныхъ жгучихъ глазъ. Дженаръ видимо гордится такой красавицей, подарившей ему уже двумя черноглазыми дѣвочками, и постоянно держитъ ее около себя. Она же прислуживаетъ и гостямъ и, видимо, командуетъ на другой половинѣ. Она все время стремительно входитъ и выходитъ и при этомъ полуприкрываетъ, по обычаю мѣстныхъ женщинъ, свое лицо, но глаза ея сверкаютъ и съ веселымъ любопытствомъ разглядываютъ гости. Все время раздаются звонъ серебряныхъ монетъ, которыми унизаны толстыя косы и шея красавицы.

Кромѣ этой жены, у Джепара есть еще двѣ довольно молодыхъ, но не слишкомъ красивыхъ. Онѣ съ кучей ребятнишекъ живутъ на другой половинѣ. Но на дворѣ стоитъ хата, въ которой можно усмотрѣть двухъ старухъ, первыхъ женъ Джепара, за ненадобностью удаленныхъ на покой.

Кромѣ любви къ красивымъ женщинамъ, Джепаръ отличается также любовью къ духамъ и разнымъ привоствамъ. Вообще, онъ большой эстетъ. Въ карманѣ шарманки онъ носитъ флакончикъ съ духами и время отъ времени каплетъ духи на ладонь, растираетъ себѣ лицо. Онъ постоянно жуетъ корицу или гвоздику.

— „Духъ бульна карошъ!“—объявляеть онъ свое пристрастіе.

Но вотъ красавица внесла уже самоваръ, поставила его къ намъ на паре, вынула изъ шкафика посуду, чай, пряники, медъ и сама встала около печки, обдавая насъ смѣющимся взглядомъ.

Бъ чаепитію былъ допущенъ одинъ изъ старшихъ сыновей Джепара, который самъ заварилъ чай и разлилъ его по стаканамъ.

— А и тебя ранъши ждалъ,—началъ бесѣду Джепаръ, потягивая ароматный чай,—нада была ранъши ѣхать: тотъ мѣсяцъ. Тѣперь утка мало, плохо съ суколомъ гулять. А тотъ мѣсяцъ мы много утка достали.

Я пожалѣлъ, что не могъ навѣстить его въ іюль и сказать, что буду доволенъ, если соколъ при мнѣ поймаетъ хоть одну утку.

Я долженъ сказать, что много разъ норовилъ посмотреть соколиную охоту, но обстоятельства мнѣ не позволяли попасть въ Борисову въ сезонъ охоты.

Надо замѣтить, что это единственная деревня во всей пермской Башкиріи, которая еще уцѣлѣла у человѣка двухъ-трехъ страсть къ старинной башкирской забавѣ—соколиной охотѣ. Несомнѣнно, что скоро она исчезнетъ и здѣсь. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что главными охотниками являются старики, вроде Джепара. И какъ только эти старцы изъ могилъ сойдутъ въ могилу—исчезнетъ и всякій намекъ на соколиную охоту. Да и слишкомъ ограниченнымъ становится пространство для этой молодой забавы. Тѣснымъ кольцомъ окружили русскіе поселки Башкирію, и она уже утратила свой привольный, дѣйственный характеръ. Уже цѣлина ея всахана мѣстами, и сомнѣній нѣтъ, что негдѣ будетъ здѣсь разгуляться...

— „Плохой нынче охота стоять,—жаловался за чаемъ Джепаръ,—и соколъ не шель плохой, ранъши лучше былъ. А мы на той недѣли самый хорошій суколъ терали“.

— „Какъ это потеряли?“

— „Улеталъ, а назадъ не вернулся. Три дня ѣздили искать—не нашли. Всеѣмъ леталъ“.

Послѣ чая мы вышли на дворъ посмотреть сокола. Джепаръ объяснилъ мнѣ, что соколовъ они добываютъ дѣтенышами и дрессируютъ ихъ дома на голубяхъ.

Въ одномъ углу двора стоялъ большой древесный пенъ, къ которому на длинномъ цѣпочкѣ былъ прикованъ соколъ, встрѣтившій насъ пронзительнымъ, рѣжущимъ взглядомъ.

крикомъ. Онъ былъ голоденъ, такъ какъ въ виду предстоящей на утро охоты его нарочно не кормили. Хищникъ сразу узналъ Джепара и вскопчилъ къ нему на протянутую руку. Джепаръ съ любовью расправлялъ перья своего любимца, дулъ на него, а тотъ все кричалъ, широко развѣвая свою хищную пасть.

Крыши дома и службъ были устланы голубями, которыхъ нарочно разводили для пищи соколовъ.

Надо было видѣть, съ какою жадностью въ своихъ широко открытыхъ желтыхъ глазахъ сидѣлъ за ними голодный хищникъ! Но цѣль сдерживала его порывы, и свое изголодавшееся онъ старался излить въ громкихъ, рѣзкихъ звукахъ.

Между тѣмъ ночь спускалась на землю, и мы рѣшили лечь пораньше, чтобы съ ранняго выѣхать на охоту. Во избежаніе духоты я устроился въ своей повозкѣ, куда гостепріимный хозяинъ наложилъ груду подушекъ, на которыхъ я мгновенно погрузился въ сонъ.

II.

„Вставай! Бульня долго спитъ!“—слышу я сквозь сонъ и чувствую какъ меня трогутъ за плечи.

— „Вставай! Съ сукудами гулять пора!“—раздается надъ самыми моими ухомъ.

Слова эти мгновенно переносятъ меня изъ области сна въ реальную действительность. Я быстро открываю глаза и первое, что могу увидѣть,—это изрытое морщинами добродушное лицо Джепара.

Моментально выпрыгиваю изъ повозки, давшей мнѣ пріютъ въ минувшую ночь, и подбѣгаю къ крыльцу, гдѣ съ полотенцемъ и высокими кувшиномъ въ рукахъ стоитъ прислуга—жена моего хозяина. Вода и утренній холодокъ освѣжаютъ меня. Джепаръ тѣмъ временемъ вынесъ изъ избы чашку кумыса и, подавая, крѣтко говорилъ мнѣ:

— „Пей! Бульня хороша!“

На дворѣ уже стоятъ осѣдланные клячи, на одной изъ которыхъ я вижу всадника башкира, держащаго на рукѣ, одѣтой въ кожаную рукавицу, громко кричащаго сокола. Соколъ Джепара вторитъ ему со своего нѣя. Но вотъ Джепаръ также надѣваетъ кожаную рукавицу, привязываетъ къ поясу истерзаннаго, окровавленнаго голубя, а другого, живого и связаннаго, кладетъ въ сумку и подходитъ къ своему соколу. Быстро онъ отцѣпляетъ его отъ нѣя и соколъ взлетаетъ на рукавицу, гдѣ и усаживается. Съ ювешеской ловкостью испробовавъ старикъ въ сѣдло и мы съ двумя его сыновьями садимъ его на привѣру. Вся наша кавалькада, состоящая изъ пяти членовъ, въ томъ числѣ соседа Джепара, тоже охотника со своимъ соколомъ, выѣзжаетъ со двора.

Великолепное августовское утро, безъ единого облачка, съ легкимъ холодомъ и обильной росой на землѣ, дѣйствуетъ на насъ самымъ ободряющимъ образомъ. Слѣды сна быстро исчезаютъ, дышется полной грудью. Быстро мимуютъ мы грязные закоулки деревушки. Изъ глиняныхъ двойныхъ трубъ повсемѣстно вьется снѣгъ дымокъ, пахнувшій особымъ специфическимъ запахомъ, свойственнымъ вѣжмъ башкирскимъ поселкамъ. Де-

ревня просыпается и намъ попадаются бабы, идущія за водой и, при видѣ насъ, низко склоняющія головы съ закрытыми лицами. Но мужчинъ что то не видно. Они то и почиваютъ, предоставляя женамъ возможность для приготовленія завтрака. На улицахъ вездѣ навозъ и нечистоты, которые здѣсь скапливаются при отсутствіи свиней, этихъ санитаровъ и ассенизаторовъ русской деревни. Кучи навоза и отбросовъ видѣются за чертой деревни.

Джепаръ и его сыновья.

Какъ въ русскихъ, такъ и башкирскихъ селеніяхъ Шадринскаго уѣзда тотчасъ за послѣдними домами начинается „поскотина“ (толока), куда выгоняется деревенскій скотъ. Поскотины башкирскихъ селеній распространяются на нѣсколько сотъ десятинъ. Здѣсь мы пустили лошадей въ галопъ. Несмотря на то, что наши россияне съ виду были очень не презентабельны, — они оказались прекрасными бѣгунами. Любо было разсѣять свѣжій утренній воздухъ. Быстрая ѣзда согрѣла насъ. Воздухъ былъ чистъ и прозраченъ, а отъ безчисленныхъ озерковъ, разбросанныхъ по поскотинѣ, поднимался легкій бѣловатый туманъ, медленно тающій подъ лучами все поднимающагося солнца.

Версты черезъ двѣ поскотина кончилась и мы переѣхали высокой валь, которая отдѣляетъ ее отъ степи, мѣстами вспаханной. Я оглянулся назадъ. Видѣлись только крыши домовъ да шпицы мечети. Но чѣмъ дальше подвигались мы по степи, тѣмъ больше исчезало селеніе. Оно какъ бы тонуло въ воздухѣ. Вотъ видны только трубы, потомъ полумѣсяцъ минарета, а затѣмъ все исчезло, — и мы оказались среди необозримой степи.

Картина была не лишена своеобразной прелести. Хотя, как уроженец сѣвера, я привыкъ къ нашимъ хвойнымъ лѣсамъ, къ таинственному шуму ихъ вершинъ, къ малому запаху,—но и степь, лишенная деревьевъ, произвела на меня чарующее впечатлѣніе. Все то прекрасно, что вышло непосредственно изъ рукъ Творца. Природа на бѣдномъ, холодномъ сѣверѣ и на жаркомъ очаровательномъ югѣ одинаково хороша и вездѣ имѣетъ свою прелесть. Надо только уметь цѣнить эти красоты и въ награду получить самое высшее въ мірѣ удовольствіе: созерцаніе прекраснаго и поклоненіе ему.

Мы поѣхали шагомъ, и я жадно воспринималъ въ себя впечатлѣнія окружающей картины. Степь мѣстами была вспахана, но какъ то беспорядочно и урывками. Поля, конечно, ничѣмъ не огорожены. Но большее пространство представляло изъ себя еще не тронутую цѣлину. Земли была черная—черная. На пути попадалась масса мелкихъ верховъ, почти сплошь заросшихъ камышемъ. Кое-гдѣ росло по нѣскольку березокъ. Далеко, у самой линіи горизонта, сверкала въ лучахъ солнца длинная полоска воды.

— „Тамъ большое озеро—Айдыкуль,—пояснилъ мнѣ Джепаръ,—верстъ десять длиной. Утка тамъ много, а рыба нѣтъ: вся кучалъ, подохла. Мелко стало. А раньше много рыба была, а теперь все кучалъ“.

Вообще озера здѣсь страшно сохнуть и превращаются въ вонючія болота. Рыба въ нихъ исчезаетъ, такъ какъ задыхается зимой отъ недостатка воздуха. Климатъ становится все суше и засухи чаще.

Около наждаго озера мы поднимали шумъ, въ надеждѣ выгнать изъ камышей утокъ. Но ихъ что то не попадалось. Въ это время утки рѣдко живутъ въ маленькихъ озерахъ и начинаютъ собираться въ стаи на большихъ.

— „Эхъ, не ладно!—сокрушался Джепаръ,—раньше надо было ѣхать. Утка теперь мало: большіе озерамъ летать“.

Къ большимъ же озерамъ мы не подъѣзжали изъ боязни утратить тамъ соколовъ.

Но судьба сложилась надъ нами и изъ густыхъ камышей одного маленькаго озера съ шумомъ вылетѣла, скрывавшаяся тамъ, крикующая утка и поднялась вверхъ. Джепаръ выпустилъ своего сокола.

Главными взмахами крыльевъ поднялся хищникъ къ синему верху и съ высоты усматривалъ свою жертву. Въ одинъ мигъ очутился онъ надъ ней и вдругъ, „черной кошкой подобный“, бросился на нее.

Башикры, съ горящими глазами и страшно напряженными лицами, издали восторженный крикъ. Лицо Джепара прямо сіяло.

Между тѣмъ въ воздухѣ совершалась драма. Несчастная утка метнулась было въ сторону, но это не спасло ея: острые когти хищника вонзились въ спину несчастной птицы. Нѣсколько перьевъ отдѣлилось отъ нея и, мѣрно покачиваясь въ прозрачномъ воздухѣ, медленно начали опускаться на землю. Соколъ тѣмъ временемъ клевалъ свою жертву и постоянно опускался съ нею на степь.

Мы, конечно, слѣдили за борьбой во всѣ глаза и моментально погнали лошадей,

когда обѣ птицы достигли земли. Когда мы подскакали къ нимъ, то увидали, что уже было кончено: соколы съ окровавленнымъ клювомъ терзали свою добычу и глотали куски кровавого мяса. Съ большимъ трудомъ удалось оторвать его отъ занятія и, сидя на перчаткѣ Джепара, онъ долго и пронзительно кричалъ, выражая неудовольствіе за прерванную трапезу. Джепаръ съ любовью ласкалъ его и что то шепталъ ему успокоительное на своемъ гортанномъ языкѣ. Мало-по-малу соколъ улегся и Джепаръ выпустилъ его на волю.

Онъ отлеталъ недалеко и при возгласѣ своего хозяина снова возвращался на жердь. — Тамъ другой озеръ будить, другой соколъ пускать будимъ, — сказалъ Джепаръ.

Когда мы подъѣхали къ этому озеру, тоже сплошь заросшему камышомъ, башкиръ, владѣлецъ другого сокола, спустилъ его съ руки.

И этотъ плавными взмахами крыльевъ поднялся на воздухъ и съ вышины сталъ осматривать степь. Вдругъ онъ остановился на одной точкѣ, какъ разъ надъ озеромъ.

Мы все притянули дыханіе.

Соколъ, казалось, замеръ. Распростертыя крылья его не шелохнулись. Голова была опущена книзу: онъ что то высматривалъ. Это длилось секундъ десять и не успѣвъ очнуться, какъ соколъ стремглавъ бросился книзу и исчезъ въ камышѣ.

— Айда туда! Скорѣй! — крикнулъ мнѣ Джепаръ и мы поскакали къ камышамъ. Здѣсь мы спѣшили и начали поиски.

Вскорѣ я на одной качкѣ увидалъ сокола, который уже клевалъ высмотрѣнную съ высоты утку. На мой крикъ сбѣжались башкиры и отняли добычу.

Но этими двумя утками на этотъ разъ и ограничилась наша охота. Всѣ озерныя нами озера были уже пусты. Но я былъ доволенъ и тѣмъ, что послала насъ судьба: я все-таки имѣлъ возможность быть свидѣтелемъ столь рѣдкой въ наше время забавы.

Солнце стояло въ зенитѣ и обливало горячими лучами степь, когда мы расположились на отдыхъ на довольно высокомъ берегу большого озера Аксакуль, зеркальная поверхность котораго изрѣдка рябилась отъ налетавшаго вѣтерка, а камышъ, кайма облегающій озеро, издавалъ сухой шелестъ. Надъ озеромъ, въ голубомъ просторѣ не было ни одного пера. Рѣдкими бѣлыми чайками, и, казалось, онѣ купались въ эфирѣ. А вокругъ насъ простиралась необозримая степь, испещренная мѣстами маленькими стеклышками озеръ.

Мы нашли себѣ пріютъ въ тѣни маленькой березовой рошцы и скоро надъ дымящимся костромъ повисъ большой черный чайникъ.

Славно было отдохнуть здѣсь послѣ быстрой ѣзды и охотничьихъ впечатлѣній.

— „Нада сукуловъ кормить! — сказалъ Джепаръ и бросилъ своему любимцу лѣтательную утку. Соколы были выпущены на волю. Они оба нагнулись на утку, и хозяинъ другого сокола захотѣлъ потѣшиться и выпросилъ у Джепара связаннаго голубя. Соколъ при видѣ новой жертвы насторожился, а Джепаръ своего прикармливалъ къ дереву на цѣпочку и отдалъ въ его распоряженіе остатки утки. Соколъ

оставшийся на свободѣ, жадными глазами слѣдилъ за голубемъ, котораго башкирь уже успѣлъ освободить отъ путъ. Вотъ онъ подбросилъ его на воздухъ. Почувявъ свободу, голубь расправилъ крылья и быстро поднялся, нажѣреваясь летѣть въ сторону дома. Напрасно! Смерть уже сторожила его.

Соколы, все время не спускающій съ него хищнаго взгляда, быстрее молніи взлетѣвъ въ вышину, поднялся еще выше голуби и ринулся на него. Одинъ мигъ—и перья несчастной жертвы поплыли въ воздухъ. Висѣвъ съ добычей опустился соколъ на землю и, упавъ недалеко отъ нашей стоянки, принялся за кровавый завтракъ, испуская временами торжествующіе звуки.

Тѣмъ временемъ вода въ чайникѣ забурлила и мы жадно принялись за чаепитіе.

— Поздно пріѣхалъ!—чуть не въ сотый разъ упрекнулъ меня Дженаръ,—утка и большой озеръ леталъ.

Я началъ спрашивать его про жизнь башкирь.

Онъ изливался въ жалобахъ.

— Плохой житье нынче башкиру! Земли мало, тѣсно. Скоро лошадей нельзя много держать, а мало кумысъ: башкирьдохнетъ. Плохо. Русскій насъ шибка тѣснитъ. Прежде много земли мы владалъ. Деревня была мало. Мой дѣдъшка Борисъ сюда семья переселился и селится здѣсь домовъ. Вотъ отъ него и деревня стала Борисова. Я еще помню много домовъ. Все степь была. Утка, гуся черно было! Озеръ тоже много, глубокія рыбныя. Аллахъ тогда любилъ башкира и все ему посылалъ. Травы хорошія, кумысъ крѣпкій, башка весела. Потомъ людей много стало, гуси, утки эйда дальше. Озера сохнутъ, рыбадохнетъ. Трава мало, кумысъ плохой. Худо. Тѣсно. Какъ дальше и жить будемъ—не знаю. Сувѣтъ башкиру пропалъ пора. Аллахъ отъ него отвернулся. Отцовъ и дѣдовъ любилъ, а насъ нѣтъ.

И онъ грустно замолкъ.

Грусть своими словами онъ навѣялъ и на меня. Мнѣ стало жаль этотъ бѣдный, изродившій народъ, когда-то жившій привольной жизнью номадовъ, а теперь втиснутый въ узкія рамки современнаго строя жизни. Кто знаетъ прелести свободы, тотъ никогда не примирится съ неволей...

Заходящее солнце уже начало бросать косые лучи, когда мы покинули нашу стоянку и галопомъ мчались по направленію деревни Борисовой, постепенно выныривающей передъ нашими взорами.

Спасибо, добрый Дженаръ за охоту и если судьба доставитъ мнѣ возможность, я непременно пріѣду къ тебѣ и мы снова погуляемъ по степи. Но старъ уже ты и не много тебѣ осталось забавиться молодецкой забавой и врядъ ли послѣ тебя удержится здѣсь соколиная охота!

Прощай, послѣдній изъ могиканъ!

Н. П. Белдыцкій.

Белдыцкій Н.П. На соколиной охоте (изъ очерковъ пермской Башкирии).

// Ежегодникъ Пермскаго губернскаго земства и календарь... Вып. 2 - Пермь, 1916.